

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104

EDN: VCNXUU

Научная статья / Research article

Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа

О.С. Чикризова , Н.В. Ивкина Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Актуальность исследуемой темы обусловлена не ослабевающим уже в течение ряда лет интересом международного сообщества к борьбе за лидерство между Ираном и Королевством Саудовская Аравия (КСА), развернувшейся на Ближнем Востоке. Растущие опасения КСА и ее геополитических союзников в лице США и малых аравийских монархий, связанные с усиливающимся влиянием Ирана на военно-политическую обстановку в Сирии и Ираке, воскресили в международном дискурсе вопрос о реальности или невозможности создания так называемого «шиитского полумесяца» под эгидой Тегерана. Идея заключается в объединении государств Ближнего и Среднего Востока, в которых мусульмане-шииты составляют подавляющее большинство или значительное меньшинство населения, что позволило бы обеспечить Ирану решительную победу в гонке за доминирование в регионе. Однако до сих пор вне поля зрения исследователей оставался вопрос количественной оценки реальных ресурсов государств, включаемых в состав «шиитского полумесяца». В этой связи целью исследования является доказательство отсутствия экономических и военно-политических предпосылок для формирования «шиитского полумесяца» посредством использования метода количественных показателей с привлечением баз данных, рейтингов и индексов и сетевого анализа поставок обычных вооружений внутри «суннитского» и «шиитского» блоков государств. Эмпирически исследование опирается на базы данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Регистра обычных вооружений ООН, Стокгольмского института мира (SIPRI), рейтинги Doing Business, Human Capital, Global Firepower и др. Теоретико-методологической базой исследования послужил конструктивный реализм, учитывающий как количественные показатели, так и идеологические и ценностные установки государства при анализе международных отношений. Исследование показало, что «шиитский полумесяц» является сугубо пропагандистским конструктом, который не может стать реальным межгосударственным объединением.

Ключевые слова: шиитский полумесяц, суннитские государства, Иран, экономические показатели, военный потенциал, количественный анализ, Ближний Восток

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы благодарят анонимных рецензентов за высказанные замечания, позволившие существенно улучшить содержание исследования.

© Чикризова О.С., Ивкина Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Чикризова О. С., Ивкина Н. В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 88—104. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104>

The Problem of the “Shi’a Crescent” in the Middle East: A Quantitative Analysis

Olga S. Chikrizova , Natalia V. Ivkina

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The relevance of this research is due to the unabated interest of the international community in the struggle for regional leadership between Iran and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), which has unfolded in the Middle East for a number of years. The growing concerns of the KSA and its geopolitical allies, the United States and the small Arabian monarchies, related to the increasing influence of Iran on the military-political situation in Syria and Iraq, have raised in international discourse the question of the reality or impossibility of creating the so-called “Shi’a crescent” under the auspices of Tehran. The idea is to unite the states of the Middle East, in which Shi’a Muslims constitute the vast majority or a significant minority of the population, which would ensure Iran’s decisive victory in the race for dominance in the region. However, until now, the question of a quantitative assessment of the real resources of the states included in the “Shi’a crescent” has so far remained out of researchers’ sight. In this regard, the aim of this article is to prove the absence of economic and military-political prerequisites for the formation of the “Shi’a crescent” by using the method of quantitative indicators from databases, rankings and indices and a network analysis of conventional arms supplies within the “Sunni” and “Shi’a” blocs. The databases of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), the World Trade Organization (WTO), the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), the United Nations Register of Conventional Arms, the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), Doing Business, Human Capital, Global Firepower, Global Terrorism, and Global Peace rankings, as well as World Bank statistical reports served as an empirical basis for the research. The theoretical and methodological basis of the study was constructive realism, which takes into account both quantitative indicators and the ideological and value attitudes of the state in the analysis of international relations. The study showed that the “Shi’a crescent” is a purely propaganda construct, and cannot become a real interstate association.

Key words: Shi’a crescent, Sunni states, Iran, economic indicators, military potential, quantitative analysis, Middle East

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The authors thank the anonymous reviewers for their comments, which allowed to significantly improve the content of the study.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Chikrizova, O. S., & Ivkina, N. V. (2023). The problem of the “Shi’a crescent” in the Middle East: A quantitative analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 88—104. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104>

Введение

В последние годы тема формирования «шиитской дуги», или «шиитского полумесяца», контролируемого Тегераном и призванного якобы дестабилизировать как страны

Запада, так и их суннитских союзников в арабском мире, стала очень актуальной и обострилась почти до неистовства. Это связано с продолжающейся политической нестабильностью в Ливане и Ираке, гражданской

войной в Сирии, ростом шиитского политического активизма в странах Персидского залива и неспадающей напряженностью вокруг Ирана. Однако насколько опасения суннитской части «мира ислама» обоснованы? Действительно ли так называемый «шиитский полумесяц» является реальностью современной мировой политики? Или мы наблюдаем очередную аргумент в антииранской полемике, не имеющий под собой реальных оснований?

Рост антишиитских настроений в регионе Ближнего и Среднего Востока спровоцирован все более возрастающим влиянием шиитов в различных странах региона, в частности в Ираке, что проявляется как на правительственном уровне, так и на уровне нетрадиционных акторов. Речь идет о шиитских негосударственных вооруженных организациях, которые проявили себя в борьбе против ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство»)¹ и других террористических группировок².

Еще одним фактором, способствующим росту влияния шиитов на Ближнем и Среднем Востоке, является приверженность Ирана своему традиционному внешнеполитическому курсу, которому свойственны независимость от конъюнктурных изменений международной обстановки и каких-либо партнерских обязательств, к которым неизменно приводит членство в военно-политических блоках, а также следование собственным непреложным принципам, базирующимся на шиитском исламском менталитете.

Также следует подчеркнуть, что в суннитском мире опасения вызывает непрекращающийся рост шиитского активизма, что обусловлено, помимо прочего, активным развитием шиитской политической мысли и возрастающей активностью шиитских политических партий и движений.

Понятие «шиитская дуга», впервые использованное саудовским клириком Сефром аль-Хавали в 1992 г., а затем подхваченное королем Иордании Абдаллой II в 2004 г. (то есть суннитской стороной)³, достаточно часто

появляется в публицистических статьях, а также в серьезных научных публикациях российских (Куршаков, 2012; Пуховая, 2013; Дружиловский, 2016; Сарабьев, 2019; Хазанов, Гасратян, 2021; Шумилин, 2021; Комлева, 2022) и зарубежных (Thual, 2007; Pahlavi, 2008; Nisan, 2009; Louër, 2009; 2019, pp. 98—99; Mabon, 2019; Balanche, 2021) авторов. Тема «шиитского полумесяца» основывается на грубой констатации географической непрерывности территории проживания шиитов: от севера Индии и Пакистана⁴ через Афганистан к Ирану, югу Ирака, Сирии и Ливану. Речь также идет об угрозах производству и движению ближневосточных углеводородов, поскольку многие из шиитских общин проживают непосредственно вблизи месторождений, на которых добываются и с которых транспортируются углеводороды в страны Запада.

Большинство исследователей ищут «шиитский фактор» во внешней политике Исламской Республики Иран, вспоминая, что после Исламской революции 1978—1979 гг. Тегеран сделал основой своей деятельности на международной арене «экспорт» революции в государства «мира ислама» (Mervin, 2007). Однако мало кто упоминает тот факт, что в выступлениях, заявлениях и трудах идеолога иранской революции аятоллы Р.М. Хомейни никогда не говорилось о ее шиитском характере. Напротив, он всегда акцентировал

Religious State // Washington Post. December 8, 2004. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A43980-2004Dec7.html> (accessed: 14.08.2021).

⁴ В Индии, как и в Пакистане, шииты составляют 15—20 % мусульманского населения страны, что делает их одним из значительных конфессиональных меньшинств в данных странах. См.: Mapping the Global Muslim Population // Pew Research Center. October 7, 2009. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (accessed: 10.05.2022); Pakistan 2021 International Religious Freedom Report // U.S. Department of State. 2022. P. 4. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/PAKISTAN-2021-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 10.05.2022). Указанные государства также сталкиваются с суннито-шиитским противостоянием во внутренней политике, а также оказываются вовлеченными в глобальное суннито-шиитское противостояние. Однако данный вопрос выходит за рамки нашего исследования.

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

² Подробнее см.: (Чикризова, 2021).

³ Wright R., Baker P. Iraq, Jordan See Threat to Election from Iran: Leaders Warn against Forming

внимание на общеисламском содержании революции, стремясь убедить всю мусульманскую умму в следующем: несмотря на то, что первая в истории исламская революция была осуществлена силами шиитов, провозглашенное в Иране государство является именно «исламским» в том смысле, который вкладывают в это слово все мусульмане⁵, независимо от течения или мазхаба.

Авторы выявили недостаток исследований, анализирующих ресурсный потенциал шиитских государств, которые принято включать в «шиитский полумесяц». Следовательно, большинство выводов о реальности или эфемерности «шиитского полумесяца» в мировой политике представляются недостаточно обоснованными, поскольку не подтверждаются количественными данными. Представленное исследование призвано заполнить эту лакуну.

Теоретическое и методологическое обоснование исследования

В условиях неопределенности существования «шиитского полумесяца», а также при наличии сложных и противоречивых тенденций на Ближнем Востоке определенный интерес представляют взгляды исследователей, рассматривающих систему международных отношений как совокупность действий акторов, характеризующихся непредсказуемым поведением. Такие взгляды присущи одному из направлений реалистической парадигмы — конструктивному реализму. В отличие от классиков, конструктивный реализм упор делает не только на экономические, политические и военные показатели стран, но и качественный анализ измерения роли идеологии (Lobell, 2017), религии, национальной идентичности (в значении системы государственных идей) посредством исследования зависимых и независимых переменных (Barkin, 2010; Donnelly, 2008). В качестве таких переменных могут выступать государственные

интересы, экономические и инвестиционные показатели, система ценностей и др. Сочетание количественных и качественных показателей потенциала стран «шиитского блока» позволяет оценить перспективу появления «шиитского полумесяца».

Методология, используемая конструктивными реалистами, базируется на индуктивной теории, основанной на исследовании культурной или иной ценностно-ориентированной идентичности. При этом перед авторами стоит инверсионная задача: доказать, что страны, составляющие ядро «шиитского полумесяца», несмотря на наличие общих взглядов на религиозный фактор, не имеют реальных внутри- и внешнеполитических ресурсов для противостояния суннитскому блоку государств. В качестве задач исследования выступает не только изучение потенциала шиитских стран, но и поиск доказательств наличия или отсутствия внутриблоковых связей.

Новизна исследования заключается в том, что для оценки потенциала стран «шиитского полумесяца» за основу были взяты данные, полученные из рейтингов и индексов. Так называемая рейтинговая сила (*charts power*) дает возможность сформировать верифицированную систему взглядов на потенциал рассматриваемых государств в силу того, что ряд стран Ближнего Востока не публикуют в открытых источниках данные о своем экономическом и военном потенциале. Кроме того, именно с помощью рейтингов и индексов можно анализировать поведение государства, производить системный мониторинг и, получив числовые показатели, ранжировать группы стран для сравнения (Kelley & Simmons, 2015, p. 55).

Исследование разделено на два взаимозависимых блока. Первый блок представлен базами данных, в которых отражены показатели ВВП, динамика экспорта и импорта товаров, объем внешнего долга, объемы добычи нефти стран так называемого «шиитского полумесяца» и суннитской группы стран. С помощью метода сравнения оценивается потенциал каждой группы и выявляются возможные конкурентные преимущества. Второй блок представлен рейтингами / индексами,

⁵ См.: Хомейни Р. М. Исламское правление. Алматы : Атамура, 1993; Imam Khomeini's Last Will and Testament. 1989. URL: <https://www.al-islam.org/printpdf/book/export/html/39086> (accessed: 01.02.2021).

в основе своей ранжирующими страны мира по тому или иному принципу. Для сравнительного анализа выбраны экономические рейтинги и индексы безопасности. С их помощью предполагается оценить совокупное место стран «шиитского полумесяца» и суннитского блока в мировой экономической системе и системе безопасности.

Обоснование «шиитского блока» государств

Отбор государств для «шиитского блока» представлял довольно сложную задачу, поскольку в мире существует лишь несколько государств с подавляющим большинством шиитского населения, однако далеко не все эти страны стремятся подчеркивать свою конфессиональную идентичность на международной арене. В этой связи по ходу исследования по ряду государств будут сделаны оговорки.

Включение в государства «шиитского блока» таких государств, как Иран (90—95 % шиитов), Ливан (45—55 % шиитов) и Сирия (15—20 % шиитов)⁶, обусловлено тем, что большинство авторов, рассуждающих о «шиитском полумесяце», включают в него именно указанные страны по причине тесных отношений между политическим руководством этих государств, а также доминированием там мусульман-шиитов во всех странах, кроме Сирии, где алавиты (одно из ответвлений шиизма) являются этноконфессиональным меньшинством, однако в правительстве и вооруженных силах в настоящее время доминируют именно алавиты.

Также в «шиитский блок» вошли государства, где большинство населения составляют шииты — Ирак (45—55 %) и Бахрейн (65—75 %)⁷. Более того, Ирак можно назвать центром шиитского ислама, так как именно на иракской территории находятся две

⁶ Lipka M. The Sunni-Shia Divide: Where They Live, What They Believe and How They View Each Other // Pew Research Center. June 18, 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/06/18/the-sunni-shia-divide-where-they-live-what-they-believe-and-how-they-view-each-other/> (accessed: 02.02.2021).

⁷ Ibid.

главные святыни для шиитов — города Кербела и Неджеф; в этих же городах сложились авторитетные школы шиитского богословия.

Включение Йемена (35—40 % шиитов⁸) в блок шиитских государств обусловлено тем, что в академической и политической среде широко распространено мнение, что Тегеран оказывает поддержку йеменскому политическому движению хуситов «Ансар Аллах» (Bröning, 2008; Itzhakov, 2018), состоящему из шиитов-зейдитов⁹. При этом обвинения в адрес Тегерана не подкрепляются убедительными фактами и документальными свидетельствами. В этой связи одной из второстепенных задач данного исследования будет поиск доказательств или опровержений связи Ирана с йеменскими хуситами.

Обоснование «суннитского блока» государств

Учитывая тот факт, что количество государств, где сунниты составляют большинство населения, значительно больше, чем стран с шиитским большинством, авторы были вынуждены определиться с составом «суннитского блока», исключив из его состава ряд государств, имеющих солидный вес в «мире ислама» (например, Кувейт и Иорданию). Это было необходимо для того, чтобы блоки были сопоставимы по количеству государств. В противном случае перевес «суннитского блока» объяснялся бы простым демографическим доминированием суннитов в мире, что делало бы сравнительный анализ двух блоков нерелевантным.

Для блока суннитских государств нами были отобраны страны, входящие в так называемую «суннитскую НАТО» (очередной симулякр, анализ которого, правда, выходит за рамки данного исследования) и активно противодействующие в Йемене зейдитскому

⁸ Mapping the Global Muslim Population // Pew Research Center. October 7, 2009. URL: <https://www.pewforum.org/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (accessed: 02.02.2021).

⁹ Зейдизм (аз-зайдийа) — общее название религиозно-политических группировок, признавших имамат Зайда ибн Али, наиболее умеренная ветвь шиизма. Выделилось в 30-е гг. VIII в.

движению «Ансар Аллах». Такой выбор обусловлен антишиитской направленностью коалиции стран, выступающих в Йемене под руководством Саудовской Аравии. В частности, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар и Египет были включены в блок суннитских государств на том основании, что указанные государства принимали активное участие в операциях «Буря решимости» и «Возрождение надежды» в ходе вторжения в Йемен с целью свержения власти хуситов.

Пакистан, заявивший о своей поддержке данных операций и заинтересованности играть роль посредника в урегулировании йеменского кризиса, включен в данный блок также на том основании, что, согласно Конституции (1973), ислам является государственной религией Исламской Республики Пакистан (ст. 2)¹⁰. Это проявляется во внешней политике в стремлении Исламабада утвердиться в качестве одного из лидеров «мира ислама». Большинство экспертов по Пакистану отмечают, что ислам занимает центральное место в «идеологическом мировоззрении» Исламабада¹¹, ставя вопросы исламской солидарности, содействия сохранению единства мусульманской уммы ключевыми для внешней политики Пакистана. Исламабад активно сотрудничает с суннитскими странами, особенно Саудовской Аравией, по вопросам безопасности; именно пакистанский генерал Рахиль Шариф возглавил Исламский военный альянс по борьбе с терроризмом (*The Islamic Military Alliance to Fight Terrorism*, IMAFT), созданный в 2017 г. по инициативе Королевства Саудовская Аравия¹². Таким

¹⁰ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. 1973 // Law & Justice Commission of Pakistan. URL: <http://www.ljcp.gov.pk/Menu%20Items/1973%20Constitution/constitution.htm> (accessed: 10.05.2022).

¹¹ См., например: Karim U. Pakistan's Foreign Policy Outlook: Islamic Solidarity and the Uyghur Question // RUSI. June 8, 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/pakistans-foreign-policy-outlook-islamic-solidarity-and-uyghur-question> (accessed: 10.05.2022).

¹² Kapila S. 'Sunni Muslim NATO Alliance' 2017 Commanded by Former Pak Army Chief Reviewed // Indian Defence Review. May 15, 2017. URL: [http://www.indiandefencereview.com/sunni-muslim-nato-](http://www.indiandefencereview.com/sunni-muslim-nato-alliance-2017-commanded-by-former-pak-army-chief-reviewed/)

образом, Пакистан очень органично вписывается в дизайн нашего исследования.

Арабская Республика Египет (АРЕ) традиционно является одним из ведущих и мощнейших государств Ближнего Востока и Северной Африки, его нередко именуют «головой арабского мира». После контрреволюции 2013 г., в ходе которой был свергнут режим М. Мурси и ассоциации «Братья-мусульмане»¹³, Египет во главе с президентом А. ас-Сиси приступил к реализации задачи по возрождению былого могущества страны на региональной арене, что и послужило импульсом для все более широкого вовлечения АРЕ в борьбу за доминирование на Ближнем Востоке и контртеррористическую деятельность. Делая ставку на партнерство со странами Запада и их сателлитами в Ближневосточном регионе, Египет естественным образом оказался участником антихуситской коалиции.

Королевство Марокко, в свою очередь, называют «витриной Запада» в Северной Африке за тесные связи с США, Францией и другими европейскими государствами. Кроме того, в последние годы Марокко активизировало деятельность по имплементации концепции «духовной безопасности», которая строится на защите «„доктринального единства“ марокканского ислама», которому, в свою очередь, угрожает рост влияния шиитского политического активизма в Королевстве (Чикризова, Морозова, 2020). Это дает нам основание включить Марокко в состав «суннитского блока» государств.

Объединенные Арабские Эмираты в исследовательской литературе последнее время все чаще позиционируются как набирающий силу лидер Ближневосточного региона. Если экономический потенциал страны не вызывает сомнений, то о росте политических амбиций ОАЭ свидетельствует возрастающая активность государства в региональных процессах, таких как сирийский кризис, гражданская война в Йемене, а также дипломатическая

¹³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

блокада Катара (2017 г.). Кроме того, включение ОАЭ в блок суннитских стран может быть обосновано также тем, что у этого арабийского государства существует давний территориальный спор с Исламской Республикой Иран за острова Абу Муса, Большой и Малый Томб, принадлежность которых Арабским Эмиратам оспаривается Тегераном.

Включение в состав суннитского блока Турции обусловлено тем, что она активно вовлечена в борьбу за региональное лидерство против Ирана и Саудовской Аравии, о чем свидетельствует активное вмешательство Анкары в сирийский кризис и гражданскую войну в Ливии. Существует мнение о том, что начало процесса сплочения шиитов вокруг Ирана положил сирийский кризис, который был воспринят шиитами как угроза их существованию (Balanche, 2021).

Кроме того, памятуя о своем недавнем имперском прошлом, Турция нередко апеллирует к тому, что в течение нескольких веков именно османский султан владел титулом халифа исламского мира (точнее, его суннитской части), а в настоящее время Турции успешно удается гармонично сочетать умеренный ислам и демократические принципы в своей политической системе. Это делает турецкую модель привлекательной для многих ближневосточных государств, а исследователям позволяет рассматривать Турцию в качестве неотъемлемой части «суннитского блока».

Разумеется, авторы не утверждают, что «суннитская НАТО» существует; более того, целесообразно указать на наличие многочисленных проблем в двусторонних отношениях некоторых стран, включенных в этой статье в «суннитский блок» (главным образом речь идет о саудовско-катарских, саудовско-турецких, турецко-египетских противоречиях). Не является для нас секретом и взаимодействие некоторых суннитских стран с государствами, включенными в «шиитский блок» (экономические контакты ОАЭ и Ирана, взаимодействие Турции и Ирана по сирийскому кризису). Однако в задачи авторов не входил поиск ответа на вопрос, существует ли альянс суннитских государств как единый актер

мировой политики, поскольку это требует отдельного исследования. Тем не менее в рамках данной статьи будут сделаны некоторые выводы, которые могут послужить основанием для дальнейших научных изысканий по проблеме «суннитской НАТО» с использованием методологии и инструментария, примененных для оценки возможности / невозможности создания «шиитского полумесяца».

Экономические и военные показатели «шиитского» и «суннитского» блоков

Для того чтобы доказать или опровергнуть существование «шиитского блока», необходимо определить совокупный потенциал стран, включаемых в «шиитский полумесяц», и уточнить возможность их совокупной конкуренции с «суннитским блоком». В связи с этим можно использовать материалы, статистические показатели баз данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также показатели Всемирного банка и др. (табл. 1 и 2).

Опираясь на материалы баз данных, можно сделать следующие промежуточные выводы.

Совокупный потенциал суннитских стран по уровню ВВП в 2 раза превышает аналогичный показатель «шиитского блока». При этом и внешний долг «суннитского блока» больше, так же как и экспортно-импортные показатели, что свидетельствует об их большей вовлеченности в мировую экономику. Это подтверждает теоретический тезис конструктивного реализма о том, что наличие прочных связей между отдельными государственными единицами увеличивает потенциал их вовлеченности в отдельные экономические системы.

Исходя из данных табл. 2 по внешнеторговым партнерам стран «шиитского» и «суннитского» блоков, видно, что суннитские страны более открыты к взаимодействию с сильнейшими экономиками мира, а также не исключают сотрудничества и со странами противоположного лагеря.

Таблица 1

Сравнительные показатели экономического потенциала «суннитского» и «шиитского» блоков в 2021 г.

Страна	ВВП, млн долл. США	Общая сумма внешнего долга, млн долл. США	Производство нефти, млн т	Экспорт товаров, млн долл. США	Импорт товаров, млн долл. США
«Суннитский блок»					
Марокко	130 255	65,414	н/д	35 843	58 034
ОАЭ	418 279	237,6*	164,4	425 160	347 529
КСА	830 325	205,1*	515,0	276 179	152 850
Катар	185 666	167,8*	73,3	87 203	27 985
Турция	808 338	435,451	н/д	225 218	271 426
Египет	405 911	143,246	29,6	43 626	83 503
Пакистан	293 935	130,433	н/д	28 319	72 515
Итого	3 072 709	1 385,044	782,3	1 121 548	941 327
«Шиитский блок»					
ИРИ	1 410 912	10,349	167,7	71 646	48 978
Ливан	н/д	66,893	н/д	4 590	13 857
Сирия	н/д	5,029	4,6	739	6 463
Ирак	202 449	25,263	200,8	86 298	66 217
Йемен	33 755	7,587	2,8	662	5 204
Бахрейн	38 313	52,15*	н/д	22 369	14 188
Итого	1 685 429	167,271	375,9	186 304	154 907

Источник: UNCTADStat Country Profile // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/en-GB/index.html> (accessed: 12.12.2022); International Debt Statistics (IDS) // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/ids> (accessed: 12.12.2022); BP Statistical Review of World Energy 2022 // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 12.12.2022).

* — Отчеты Всемирного банка не содержат данных о внешнем долге ряда стран. В этом случае авторы прибегли к данным CIA World Factbook (2017). URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/> (accessed: 12.12.2022).
Примечание: н/д — нет данных.

Таблица 2

ТОП-5 внешнеторговых партнеров для стран, входящих в «суннитский» и «шиитский» блоки в 2021 г.

«Суннитский блок»			«Шиитский блок»		
Страна	ТОП-5 партнеров	Объем экспорта, млн долл. США	Страна	ТОП-5 партнеров	Объем экспорта, млн долл. США
Марокко	1. Испания 2. Франция 3. Индия 4. Бразилия 5. Италия	8 473 8 153 1 936 1 663 1 652	Иран	1. Китай 2. Китай (Тайвань) 3. Ирак 4. Индия 5. Турция	15 367 8 797 7 631 6 616 5 670
ОАЭ	1. Индия 2. Китай 3. Япония 4. Ирак 5. КСА	60 650 40 102 36 690 28 028 23 934	Ливан	1. Швейцария + Лихтенштейн 2. ОАЭ 3. КСА 4. Республика Корея 5. Ирак	860 577 261 195 184
КСА	1. Китай 2. Индия 3. Япония 4. Республика Корея 5. ОАЭ	57 591 29 443 29 211 25 261 15 376	Сирия	1. Ирак 2. КСА 3. Ливан 4. Турция 5. Алжир	599 29 24 18 16

Окончание табл. 2

«Суннитский блок»			«Шиитский блок»		
Страна	ТОП-5 партнеров	Объем экспорта, млн долл. США	Страна	ТОП-5 партнеров	Объем экспорта, млн долл. США
Катар	1. Китай 2. Япония 3. Индия 4. Республика Корея 5. Сингапур	13 336 11 740 11 590 11 552 5 237	Ирак	1. Китай 2. Индия 3. Республика Корея 4. США 5. Греция	21 630 20 825 6 662 6 464 4 578
Турция	1. Германия 2. США 3. Великобритания 4. Италия 5. <i>Ирак</i>	19 311 14 723 13 704 11 474 11 126	Йемен	1. Китай 2. Таиланд 3. <i>КСА</i> 4. <i>ОАЭ</i> 5. Австрия	176 133 67 44 40
Египет	1. США 2. КСА 3. Индия 4. Италия 5. Турция	2 813 2 775 2 681 2 475 2 473	Бахрейн	1. <i>ОАЭ</i> 2. <i>КСА</i> 3. США 4. Япония 5. Оман	4 632 3 417 1 711 1 342 884
Пакистан	1. США 2. Китай 3. Великобритания 4. Германия 5. Нидерланды	6 077 3 034 2 104 1 564 1 397			

Примечание. Жирным шрифтом выделены страны-партнеры, входящие в тот же самый блок; курсивом выделены страны-партнеры, входящие в противоположный блок.

Источник: UNCTADStat Country Profile // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/en-GB/index.html> (accessed: 12.12.2022).

При этом государства, также включенные в «суннитский блок», не входят в ТОП-5 внешнеторговых партнеров для всех, кроме Саудовской Аравии, Египта и ОАЭ. Это обусловлено тем, что суннитские страны имеют схожие категории экспортных товаров. Поэтому закономерно, что они поставляют свои товары в государства за пределами региона Ближнего и Среднего Востока.

В рамках системы ценностей суннитские страны объединяет то, что они более открыты для взаимодействия с немусульманскими странами. Это объясняется, в первую очередь, светским характером режимов в подавляющем большинстве суннитских стран, то есть религиозные авторитеты там не оказывают существенного влияния на политику. Более того, в единственном теократическом государстве — Саудовской Аравии — клирики зачастую служат интересам правящего режима, издавая фетвы, содержащие оправдания сотрудничества саудовского государства с немусульманскими странами (Косач, 2013).

В свою очередь, ценности и идеология государств, включенных в «шиитский блок», вследствие самой сути шиитской доктрины должна строиться на концепте справедливости и постулате борьбы против угнетателей (Чикризова, 2017), к коим причисляются, главным образом, страны, реализующие политику неокOLONIALИЗМА. Борьба, таким образом, исключает сотрудничество и тесное взаимодействие с такими странами, что ограничивает круг потенциальных экономических партнеров государств «шиитского блока». Идеология, основанная на шиитском мировоззрении, становится фактором, препятствующим росту вовлеченности государств «шиитского блока» в современную мировую экономику. Однако данные табл. 2 показывают, что ряд стран (Ливан, Ирак и Бахрейн) активно торгуют как со странами Запада (главным образом с США), так и прозападными странами Востока (Японией и Южной Кореей). Это может свидетельствовать либо о нежелании указанных стран ассоциироваться

с «шиитским блоком», либо о стремлении диверсифицировать торгово-экономические контакты. Для уточнения причины необходимы дополнительные данные.

Исходя из вышесказанного, наблюдается прямая зависимость между степенью открытости суннитских стран неисламскому миру и экономическими показателями.

Нефтяной сектор является ключевым в экономике ближневосточных государств. Показатели, полученные при обращении к базе данных ВР, говорят о более низком потенциале экспортного показателя нефти из стран «шиитского блока». Кроме того, невысокие показатели добычи нефти не позволят странам, включаемым в «шиитский полумесяц», наладить систему внутриблоковой торговли углеводородами для того, чтобы обеспечить собственные потребности (как, например, СССР мог обеспечивать энергоресурсами своих сателлитов из числа стран соцблока). Демпингование цен на нефть для союзников было бы непозволительной роскошью для Ирана и Ирака, поскольку тогда бы они лишились серьезных бюджетных поступлений нефтедолларов от продажи «черного золота» в такие страны, как, например, Китай.

В целях оценки военного потенциала государств, включенных в «суннитский» и «шиитский» блоки, авторы проанализировали такие показатели, как общий объем военных расходов, численность вооруженных сил и количество импортных единиц обычных вооружений, используя Регистр обычных вооружений ООН, а также базы данных Стокгольмского института мира (SIPRI) и Global Firepower (табл. 3).

Исходя из полученных данных, можно говорить фактически о пятикратном превышении военных показателей суннитских стран над шиитскими. Это связано как с описанным ранее экономическим превосходством стран «суннитского блока», так и с имеющимися международными ограничениями на поставки различных видов вооружений в государства, включенные в «шиитский блок».

Таблица 3

Сравнительные показатели военного потенциала «суннитского» и «шиитского» блоков в 2004—2023 гг.

Страна	Общая сумма военных расходов, млн долл. США (2021)	Общая численность вооруженных сил, чел. (2023)	Количество импортных единиц обычных вооружений (2004—2021), ед.
«Суннитский блок»			
Марокко	4997,4	375 000	1 627
ОАЭ	н/д	77 000	21 103
КСА	53759,1	350 000	14 822
Катар	11265,0	86 550	1 445
Турция	16708,8	775 000	30 094
Египет	4876,5	1 220 000	8 099
Пакистан	10324,5	1 704 000	14 408
Сумма:	101 931,3	4 587 550	91 598
«Шиитский блок»			
ИРИ	17574,9	1 015 000	0*
Ливан	н/д	105 000	519
Сирия	н/д	150 000	114
Ирак	5359,5	330 000	8 325
Йемен	н/д	420 000	685
Бахрейн	1367,7	133 000	1 884
Сумма:	24 302,1	2 153 000	11 527

Примечание. Обозначение «н/д» в столбце «Общая сумма военных расходов» означает, что по указанным странам данных найти не удалось.

* — С 2004 г. UNROCA не располагает данными о количестве импортных единиц обычных вооружений, получаемых Ираном, поэтому расчет общего количества импортных единиц обычных вооружений в случае с Исламской Республикой Иран не представляется возможным.

Источник: SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed: 12.12.2022); Global Firepower Nations Index (2023) // Global Firepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries.asp> (accessed: 12.01.2023); United Nations Register of Conventional Arms. URL: <https://www.unroca.org> (accessed: 12.12.2022).

Кроме того, внутривнутриполитические противоречия в отдельных шиитских государствах, в частности относительно допустимого уровня взаимодействия с Ираном, негативно отражаются на внутриблоковой консолидации так называемого «шиитского полумесяца», в том числе в вопросе поставок обычных вооружений. Кратко охарактеризуем эти противоречия.

Бахрейн, как уже отмечалось, является государством с шиитским большинством населения, при этом правящая династия страны — Аль Халифа — исповедует суннитский толк ислама. Кроме того, Бахрейн входит в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), является одним из ключевых торгово-экономических партнеров Саудовской Аравии (см. табл. 2). Участие стран ССАГПЗ в подавлении антиправительственных выступлений в Бахрейне в 2011 г., а также просаудовская позиция Манамы в дипломатическом кризисе 2017 г. вокруг Катара свидетельствует о прочных политических связях Бахрейна со своими соседями по Аравийскому полуострову. Также нельзя забывать о том, что Манама имеет проблемы в отношениях с Тегераном, связанные, помимо прочего, с давнишними претензиями последнего на включение территории Бахрейна в состав Иранского государства.

В свете того, что в политических, а также экспертных и академических кругах все чаще звучат опасения относительно распространения влияния Ирана на бахрейнских шиитов, руководство Королевства стремится «спрятать» свою шиитскую идентичность, идя ради этого на радикальные меры. Так, с середины 2000-х гг. в стране реализуется программа по натурализации иностранных резидентов суннитского вероисповедания с целью преодоления «перекоса» демографической ситуации в пользу шиитов (Louÿr, 2012, p. 101).

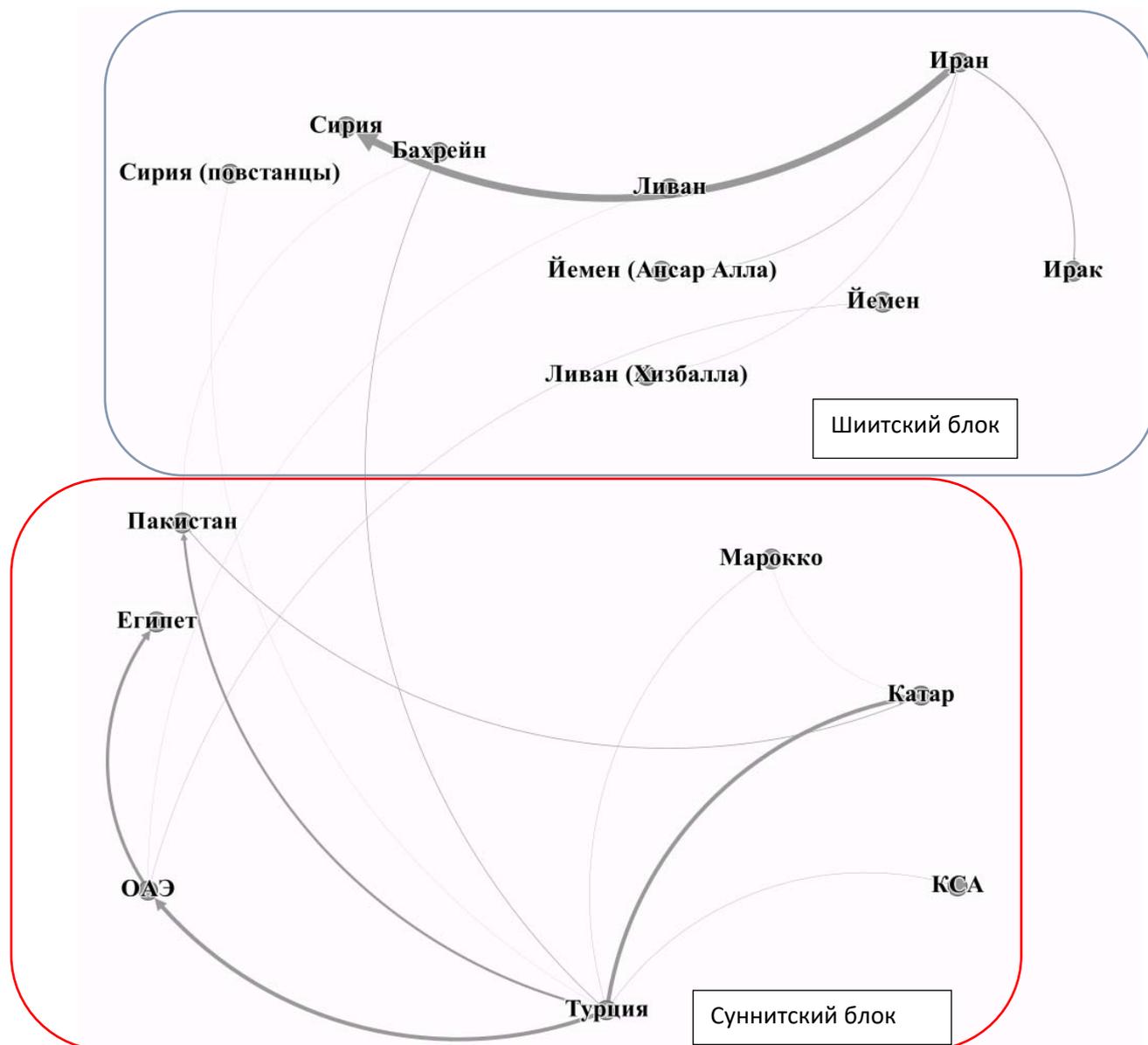
Что касается Сирии, которая традиционно являлась «сердцем арабского мира» и обладала одной из самых сильных армий региона, то в настоящее время страна пытается преодолеть последствия длительной гражданской войны: инфраструктура разрушена, на территории Сирии еще полностью не искоренены террористические организации, экономика находится в упадке. Об этом свидетельствуют и данные рейтингов, а также то, что в целом ряде рейтингов Сирию просто не смогли оценить. В этой связи говорить о Сирии как о серьезном «элементе» шиитской дуги не представляется возможным.

Ливан — один из «крепких середнячков» блока шиитских государств, как мы можем увидеть в таблицах. При этом, с одной стороны, современный Ливан страдает от пагубного влияния обстановки, в которой в течение 12 лет находится соседняя Сирия. Кроме того, внутри самого Ливана существует проблема нарушения этнокофессионального баланса: очевидно, что христиане уже не составляют большинство населения; палестинские беженцы — сунниты; сирийские беженцы — также преимущественно сунниты; наблюдаются более высокие темпы прироста шиитского населения по сравнению с христианским и суннитским. Все это в скором времени может привести страну к повторению кровопролитной и разрушительной гражданской войны 1975—1990 гг.

С другой стороны, Ливан обладает рядом преимуществ по сравнению с другими шиитскими государствами. У Бейрута сложились дружественные отношения с западными (христианскими) странами, и правительство всячески старается сохранить и приумножить эти связи. Как светское государство с многоконфессиональной идентичностью Ливан стремится участвовать во всех существующих проектах по межрелигиозному диалогу, а некоторые из них даже инициирует. Так, 16 сентября 2019 г. по предложению президента Ливана М. Ауна была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/344 «Академия для налаживания контактов и диалога между людьми», которая санкционирует создание одноименной Академии в столице Ливана, г. Бейруте¹⁴. Целью Академии провозглашено «налаживание контактов и диалога между людьми»¹⁵. Таким образом, Ливан также не позиционирует себя как шиитское государство.

¹⁴ Academy for Human Encounters and Dialogue // YouTube. October 24, 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H-0qm6BGHk0> (accessed: 12.10.2021).

¹⁵ Resolution A/RES/73/344 adopted by the General Assembly on 16 September 2019 “Academy for Human Encounters and Dialogue” // United Nations. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/284/24/PDF/N1928424.pdf?OpenElement> (accessed: 12.01.2023).

Рис. 1. Сетевой анализ экспорта обычных вооружений между странами «суннитского» и «шиитского» блоков (2018—2021 гг.)*

Источник: составлено авторами на основе данных Стокгольмского международного института изучения мира. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php> (accessed: 22.10.2022).

* База данных SIPRI не содержит сведений о поставках оружия из Ирана за 2018—2021 гг., однако фиксирует информацию о последних заявленных поставках в более ранние годы, что и было отражено на рисунке: ливанской «Хизбалле» — в 2006 г., йеменским хуситам — в 2017 г., Ираку — в 2014—2015 гг., Сирии — в 2006, 2008—2016 гг.

Современный Ирак в настоящее время сталкивается с такими проблемами, как отсутствие действенных государственных институтов, которые были бы способны обеспечивать национальную безопасность и бороться с терроризмом без помощи внешних сил и негосударственных вооруженных акторов; дискриминация суннитского населения в

результате процесса дебаасизации и опоры США на шиитов; отсутствие инфраструктуры, разрушенной войной, и упадок экономики.

Йемен — государство, где серьезное влияние на политическую обстановку оказывает «шиитский фактор». Однако Йемен уже почти 30 лет находится в состоянии периодического возобновления гражданской войны;

в настоящее время там наблюдается тяжелейшая ситуация в сфере здравоохранения (эпидемии, антисанитария, нехватка питьевой воды). Инфраструктура разрушена, экономика находится в упадке.

Согласно теории конструктивного реализма, экспорт обычных видов вооружения является прямой зависимой переменной от военных расходов в данном анализе. Можно высказать предположение о том, что идеологически близкие страны должны более тесно взаимодействовать друг с другом по вопросам взаимного обмена / торговли оружием. Для того чтобы понять, вписываются ли страны шиитского блока в это предположение, необходимо оценить уровень их торгового оборота оружием посредством сетевого анализа экспорта обычных вооружений между странами блока. Для сравнения также представлены показатели суннитского блока (рис. 1).

Из данных рис. 1 видно, что Иран и Турция — ключевые поставщики вооружения внутри блоков (толщина ребер графа отражает количество единиц вооружений, переданных экспортером импортеру). Очевидно, что страны «шиитского блока» не имеют технической возможности обмениваться вооружениями, поскольку сами являются зависимыми от экспорта вооружений, в том числе из стран «суннитского блока». В случае противостояния между странами «суннитского» и «шиитского» блоков суннитским странам при существующих показателях будет проще переориентироваться на общую военную стратегию и обмениваться различными видами обычных вооружений.

В отличие от «шиитского блока» внутри «суннитского блока» наблюдается более интенсивный обмен вооружениями, который потенциально является скрепляющим звеном его военно-политической деятельности. Это не может служить прямым доказательством существования «суннитской НАТО», однако является примером возрастающей динамики внутриблокового взаимодействия в сфере обычных вооружений.

«Рейтинговая сила» «шиитского полумесяца»

Для того чтобы можно было говорить о наличии или отсутствии «шиитского полумесяца», необходимо рассмотреть основные факторы консолидации стран блоков в экономической сфере и сфере безопасности. В этой связи помимо ранее рассмотренных показателей международных баз данных целесообразно оценить уровень доверия к шиитским странам и готовность третьих стран (внерегionalных игроков) поддержать совместные действия государств «шиитского блока» в случае кризиса.

Рассмотрим отдельные рейтинги, которые помогут оценить потенциальную возможность стран «шиитского блока» получить новых торгово-экономических партнеров, в том числе исходя из внутривнутриполитической обстановки (наличие / отсутствие угрозы терроризма, военный потенциал) (табл. 4).

Согласно рейтингам безопасности, ситуация в странах «шиитского блока» более нестабильная, если не сказать критическая, по сравнению с ситуацией в суннитских государствах. Это обусловлено высоким уровнем террористической угрозы, а при нехватке обычных вооружений это приводит к отсутствию возможности обеспечить нормальное функционирование системы безопасности.

Исходя из данных табл. 4, также становится очевидным, что разрыв между «лидером» (2-е место) и «аутсайдером» (65-е место) рейтинга террористической угрозы внутри «шиитского блока» менее существенен (63 пункта), чем внутри «суннитского блока» (83 пункта при условии, что индекс по ОАЭ и Катару не рассчитан, поэтому им автоматически присвоено 93-е место). Ситуация в рейтинге Global Peace Index аналогична, разрыв между лучшим и худшим местом в «шиитском блоке» составляет 60 пунктов. Это легко объясняется тем, что в двух из шести шиитских государств в настоящее время не завершены гражданские войны (Сирия, Йемен), а Ирак до сих пор не восстановил полностью свои государственные институты после интервенции США и их союзников (2003 г.) и террора запрещенной в России группировки ИГИЛ (ИГ, «Исламское государство»).

Место «суннитского» и «шиитского» блоков в экономических рейтингах и рейтингах безопасности в 2020—2023 гг.

№ п/п	Рейтинг	«Суннитский блок»							Среднее арифметическое	«Шиитский блок»						Среднее арифметическое
		Марокко	ОАЭ	КСА	Катар	Турция	Египет	Пакистан		ИРИ	Ливан	Сирия	Ирак	Йемен	Бахрейн	
ЭКОНОМИКА																
1	Doing Business Index (2020)	53	16	62	77	33	114	108	66	127	143	176	172	187	43	126
2	Human Capital Index (2020)	110	43	84	49	48	115	144	85	75	104	—	143	161	46	88
БЕЗОПАСНОСТЬ																
3	Global Terrorism Index (2021)	76	93	54	93	23	15	10	52	27	51	5	2	21	65	28
4	Global Peace Index (2021)	79	52	125	29	149	126	150	101	142	147	161	159	162	102	146
5	Global Firepower Index (2023)	61	56	22	65	11	14	7	34	17	111	64	45	74	79	65

Примечания:

Светло-серым цветом выделены страны, занимающие самые высокие позиции в экономических рейтингах внутри каждого из блоков, и самые низкие позиции в рейтинге Global Terrorism Index (чем ниже государство в этом рейтинге, тем ниже там террористическая угроза).

Темно-серым цветом отмечены страны, занимающие самые низкие позиции в экономических рейтингах внутри каждого из блоков, и самые высокие позиции в рейтинге Global Terrorism Index.

Источник: составлено авторами на основании рейтингов: Doing Business Index. URL: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/pdf/db2020/Doing-Business-2020_rankings.pdf (accessed: 10.02.2022); Human Capital Index. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (accessed: 10.02.2022); Global Terrorism Index. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed: 10.02.2022); Global Peace Index. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/#/> (accessed: 10.02.2022); Global Firepower Index. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 10.02.2023).

Рейтинг военного потенциала также демонстрирует лидерство «суннитского блока», при этом государства, занимающие самые высокие позиции в каждом из блоков (Пакистан и Иран), отстают друг от друга на 10 пунктов. В то же время налицо более значительная разница между лидером и аутсайдером внутри «шиитского блока» (94 пункта), тогда как все суннитские государства не выходят за пределы ТОП-65 рейтинга Global Firepower Index. Таким образом, данные этого рейтинга лишь подтверждают выводы, сделанные в ходе оценки показателей военного потенциала (см. табл. 3).

На фоне внутривосточной нестабильности и отсутствия мира внешние акторы не могут испытывать доверие к странам

«шиитского блока» и, следовательно, предпочитают не инвестировать в развитие их экономики и не вести бизнес в этих странах.

Напротив, у суннитских стран, где, согласно рейтингам, наблюдается более позитивная картина в сфере безопасности, место в экономических рейтингах выше. В таких условиях зарубежные партнеры более охотно сотрудничают со странами «суннитского блока», а в сочетании с большей открытостью их экономик по сравнению с экономиками шиитских государств, о чем было сказано выше, позиции суннитских стран в указанных рейтингах оказываются такими высокими. В перспективе у стран «шиитского блока» пока нет особых надежд на расширение инвестиционных потоков в их экономику.

Заключение

Подводя итоги анализа экономических индикаторов и показателей безопасности, а также рейтингов, фиксирующих экономический потенциал государств «суннитского» и «шиитского» блоков, а также отражающих внутривнутриполитическую ситуацию в них, можно считать доказанной несостоятельность утверждений о существовании так называемого «шиитского полумесяца». Об этом свидетельствуют, во-первых, слабые связи внутри «шиитского блока», а также недостаточность экономических и военных ресурсов для позиционирования себя на мировой арене в качестве коллективного актора. Кроме того, было показано, что ряд государств, включаемых в состав «шиитского полумесяца», имеют более тесные контакты с суннитскими государствами, в том числе в сфере безопасности. Речь идет, в первую очередь, о Бахрейне, который является членом Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и участвует во всех проектах организации.

Что касается сферы безопасности, то авторами на основе эмпирических данных подтверждены негативные тенденции во внутривнутриполитической обстановке в государствах «шиитского блока», которые связаны с высоким уровнем террористической угрозы, активной фазой вооруженных конфликтов в Сирии и Йемене, перманентной нестабильностью в Ираке, а также затяжным кризисом в Ливане, сопровождающимся гражданскими беспорядками. На базе сетевого анализа поставок обычных вооружений продемонстрирована слабость взаимодействия государств «шиитского блока». В частности, не подтверждена военная поддержка движения йеменских хуситов со стороны Тегерана в последние несколько лет, а также не было найдено доказательств поставок Ираном вооружения ливанской шиитской партии «Хизбалла» с 2006 г.

Анализ поставок обычных вооружений также продемонстрировал наличие прочных связей ряда шиитских государств со странами «суннитского блока», главным образом с

Турцией, ОАЭ и Пакистаном. Подобное сотрудничество в случае начала вооруженного противостояния (наиболее вероятное, по мнению большинства экспертов, — между Ираном и Саудовской Аравией) подрывало бы взаимодействие внутри «шиитского блока» и препятствовало координации усилий в сфере обороны и безопасности.

Отдельно следует отметить и идеологические расхождения внутри «шиитского блока» государств, которые хотя и не являются предметом исследования в данной статье и требуют отдельного пристального внимания ученых, тем не менее не могут быть совсем обойдены вниманием, поскольку авторы анализируют «шиитский полумесяц» с позиции конструктивного реализма.

К таким расхождениям относится, во-первых, то, что население или правящая верхушка отдельных стран «шиитского блока» принадлежит к неортодоксальным шиитским течениям, таким как зейдизм (Йемен) и алавизм (Сирия). Примечательно, что первый, по мнению исламоведов, по своему духу гораздо ближе к суннитскому исламу, нежели к шиитскому, а алавизм, в свою очередь, вообще представляет собой синкретическое учение с элементами не только ислама, но и христианства. За обожествление имама Али алавизм рассматривается многими исламскими учеными — как суннитскими, так и шиитскими — как ересь и даже идолопоклонство, нарушающее базовый принцип ислама — единобожие (*ат-таухид*).

Во-вторых, исследователями, рассуждающими о «шиитском полумесяце», нередко игнорируются глубинные идеологические противоречия между различными шиитскими партиями, которые условно можно разделить на проиранские и антииранские. В частности, шиитские политические партии Бахрейна (как и Саудовской Аравии) принадлежат к противникам иранской модели развития; они не считают иранского *рахбара* (Верховного лидера) аятоллу Али Хаменеи своим духовным лидером и «образцом для подражания»¹⁶, по-

¹⁶ Марджа ат-таклид (араб. «образец для подражания») — титул шиитских духовных авторитетов,

этому говорить о влиянии Ирана на внутри-политические процессы Королевства — значит впадать в глубокое заблуждение.

Наконец, внешнеполитическая практика таких государств «шиитского блока», как Бахрейн и Ливан (а только они помимо Ирана сейчас не переживают вооруженный конфликт), по своей сути свидетельствует о нежелании руководства этих стран ассоциироваться с Ираном, который в глазах соседей обладает имиджем региональной парии и очень неуживчивого государства. На Иран наложены санкции, которые существенно ограничивают политические и экономические возможности Тегерана, а для его партнеров могут обернуться негативными последствиями. Союзнические отношения связывают Иран лишь с Сирией, но только пока у власти там находится Башар Асад. Отношения Ирана с Ираком базируются главным образом на координации усилий по борьбе с международным терроризмом, а также на партнерстве в торгово-экономической сфере, хотя влияние Ирана в этой стране за последние годы существенно возросло. Тем не менее все это свидетельствует о двустороннем характере взаимодействия Тегерана с остальными странами,

достигших наивысшего уровня знаний в исламских науках, который наделяет их правом быть духовными наставниками для рядовых верующих.

включенными нами в «шиитский блок», и не дает оснований полагать, что в планы Ирана или какого-либо другого шиитского государства входит создание «шиитского полумесяца». Таким образом, мнение ряда экспертов о центральной роли Ирана, консолидирующего «шиитский полумесяц» (Nisan, 2009), не подтверждается эмпирическими данными.

Также установлено, что реальные внутри- и внешнеполитические ресурсы государств, объединяемых в так называемый «шиитский полумесяц», незначительны по сравнению с потенциалом государств «суннитского блока». Более того, источником региональной конфликтности служат именно страны «шиитского блока». Поэтому очевиден вывод о том, что опасения относительно формирования влиятельного блока шиитских государств значительно преувеличены. Это выгодно, в первую очередь, недругам Ирана (например, Соединенным Штатам) и его соперникам за региональное лидерство, главным образом — Саудовской Аравии. Антишиитская истерия позволяет Эр-Рияду оправдывать многие свои внешнеполитические акции, такие как вооруженная интервенция в Йемен и переговоры с Пакистаном о передаче саудовской стороне технологий по производству ядерного оружия.

Поступила в редакцию / Received: 12.04.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 08.11.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Дружиловский С. Б.* Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. Москва: ИВ РАН; Издатель А.В. Воробьев, 2016. С. 52—57.
- Комлева Н. А.* «Иранский квадрат» против «турецкого треугольника» // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 116—132. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-1-1106>
- Косач Г. Г.* Саудовская Аравия: власть, улемы и антисистемная оппозиция (богословско-политический ответ противникам режима) // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1 (247). С. 127—158.
- Куришаков В. Ю.* Шиитский фактор во внешней политике Ирана // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 11. С. 24—32.
- Пуховая Е. Д.* «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Аль-Джазира») // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2013. № 4. С. 82—90.
- Сарабьев А. В.* Ближневосточная «шиитская дуга»: реальная угроза или геополитическая химера? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11, № 2. С. 39—64.

- Хазанов А. М., Гасратян С. М. Роль «шиитского полумесяца» в нынешней ситуации на Ближнем Востоке (2000—2020) // Россия и мусульманский мир. 2021. № 4 (322). С. 111—119.
- Чикризова О. С. Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 279—289. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289>
- Чикризова О. С. Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 74—85. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_74
- Чикризова О. С., Морозова Н. Н. Шиизм в Марокко: историческое наследие и современность // Азия и Африка сегодня. 2020. № 5. С. 28—35. <https://doi.org/10.31857/S032150750009547-3>
- Шумилин А. И. Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и политикой // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 1. С. 50—60. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60>
- Balanche F. From the Iranian Corridor to the Shia Crescent: Demography and Politics // A Hoover Institution Essay. 2021. P. 1—11.
- Barkin J. S. Realist Constructivism: Rethinking International Relations Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Bröning M. Don't Fear the Shiites: The Idea of a Teheran-Controlled "Shiite Crescent" over the Greater Middle East. Is at Odds with Reality // IPG. 2008. No. 3. P. 60—75. URL: https://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2008-3/06_a_broening_gb.pdf (accessed: 13.11.2021).
- Donnelly J. The Ethics of Realism // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 150—162. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199219322.003.0008>
- Itzhakov D. Iran's New anti-Israel Resistance Axis // BESA Center Perspectives Paper. 2018. No. 747. P. 1—4.
- Kelley J. G., Simmons B. A. Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // American Journal of Political Science. 2015. Vol. 59, iss. 1. P. 55—70. <https://doi.org/10.1111/ajps.12119>
- Lobell S. E. Structural Realism / Offensive and Defensive Realism. International Studies Association and Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304>
- Louër L. Déconstruire le croissant chiite // Revue internationale et stratégique. 2009. Vol. 4, no. 76. P. 45—54. <https://doi.org/10.3917/ris.076.0045>
- Louër L. Shiism and Politics in the Middle East. London : Hurst & Company, 2012.
- Louër L. Sunnis and Shi'a. A Political History. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2019.
- Mabon S. The End of the Battle for Bahrain and the Securitization of Bahraini Shi'a // The Middle East Journal. 2019. Vol. 73, no. 1. P. 29—50. <https://doi.org/10.3751/73.1.12>
- Mervin S. Les mondes chiïtes et l'Iran. Paris : Khartala — Ifpo, 2007.
- Nisan M. The Shiite Strategic Crescent and Israel // Israel Journal of Foreign Affairs. 2009. Vol. 3, no. 1. P. 37—46. <https://doi.org/10.1080/23739770.2009.11446349>
- Pahlavi P. Croissant chiite: fondements et limites // Canadian Political Science Association. 2008. P. 1—13.
- Thual F. Le croissant chiite: slogan, mythe ou réalité ? // Hérodote. 2007. Vol. 1, no. 124. P. 107—117. <https://doi.org/10.3917/her.124.0107>

Сведения об авторах: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); ORCID: 0000-0002-1678-0967; e-mail: chikrizova-os@rudn.ru

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru